

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ

Рец. на кн.: Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания / А. И. Яковлев. – М.: ООО «Интерлайн», 2007. – 196 с.; Яковлев А. И. Материальность сознания / А. И. Яковлев. – М.: Социально-политическая мысль, 2008. – 200 с.

Две монографии, выпущенные доктором философских наук, профессором Александром Ильиным Яковлевым, представляют большой интерес для всех, кто хочет уяснить природу и сущность человеческого сознания. Опубликованные книги являются результатом многолетней работы автора по обобщению накопленного биологами, биофизиками и биохимиками материала по исследованию функций и физиологии мозговой активности. Приветствуя появление этих весьма содержательных книг московского философа, требующих обстоятельного изучения и осмысления, я представлю в своей заметке не подробный разбор их достоинств и недостатков, но только полемический отклик и общую оценку.

Размышления А. И. Яковleva продолжаются в русле материалистической методологии, которая разрабатывалась особенно активно в течение последних двух-трех столетий, и, возможно, она может дать еще кое-что в будущем. Однако если проанализировать основания этого подхода, то он строится на сопоставлении материального с идеальным, на основании которого автор стремится утверждать, что все идеальное – не существует, коль скоро оно считается воображаемым, и тогда все то, что существует, является материальным; это приводит с неизбежностью к беспредельному расширению понятия материально-

го и его обессмысливанию. Отсюда недалеко до пантеистического утверждения, что Бог тоже материален. Если вникнуть в эту логику, то легко понять, что противопоставление «материальное – идеальное» берется в разных отношениях, а не в одном. Разумнее все же выстраивать логику оппозиций в таком ключе: материальное – духовное.

Надо отдать должное, автор откращивается от вульгарно-материалистических попыток понимать сознание по аналогии с тем, как почки вырабатывают мочу, а печень – желчь (такие попытки известны).

Но материализм есть, по Шопенгауэру, философия наивного субъекта, который еще не добрался до того, чтобы обратить внимание на себя. Он воспринимает лишь внешний мир, однако лишенный зеркала, не понимает, что его видение мира обусловлено и ограничено «фильтрами» его опыта, что он видит лишь то, что позволяют видеть его органы восприятия и опыт, но не видит того, что не вписывается в систему его ожиданий и потребностей. Шопенгауэр под влиянием индийской философии сформулировал идею о «воле», которую Бергсон назвал позднее «духовной энергией» – вот замечательная тема для понимания сущности субстанциональной основы мира!

В основе материализма лежит утверждение Аристотеля о невозможности актуально бесконечного, о реальности только потенциально бесконечного. На этой аксиоме (в которую материалист слепо *верит*) базируется его (материалиста) представление о рациональности и материальности мира. Если же отвергнуть эту точку зрения Аристотеля, как это сделал русский математик Г. Кантор, то неизбежно приходится признавать наличие актуально бесконечной духовной субстанции.

И все же мне кажется, что осмысливать материальное следует, во-первых, не в сопоставлении с идеальным (такой подход не очень плодотворен; гораздо разумнее сопоставлять идеальное с реальным, соответственно, – субъективное с объективным), а с духовным. Во-вторых, не стремиться расширять понятие материального до беспредельности, а оставаться в русле традиционных точек зрения (неизбежно тех, которые высказал когда-то В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», потому что следует учесть убедительную критику такого понимания материи у А. Ф. Лосева в «Диалектике мифа»), по крайней мере, считать важнейшими характеристиками материального вещественность, «непроницаемую объемность», осязаемость, дискретность, каузальность, количественную и пространственно-временную определенность и т. п. В-третьих, сознание гораздо плодотворнее рассматривать как волновое и полевое проявление духовной субстанции, при этом сосредоточиться на следующих характеристиках духовного: энергия, информация, внекаузальность, внепространственность, вневременность (впрочем, отношения духовного с временем – это отдельная и очень непростая проблема, связанная с вопросом о бесконечности). В-четвертых, сознание нужно исследовать под углом зрения связи субъективного и объективного. Выбрасывая из сферы сознания субъекта, автор «кастрирует» человеческое сознание, как это делают феноменологи вслед за Ф. Брентано, утрачивая его смысловую содержательность. В-пятых, автор не учитывает то, что обнаружили в понимании жизни А. Бергсон и П. Тейяр де Шарден, а именно: материя сама по себе мертва, без духовной энергии и информации она возникнуть и развиваться не может. В-шестых, автор уходит от вопроса о языке сознания. Речь, конечно, идет не о примитивной точке зрения К. Маркса о тождестве сознания и словесного выражения, а о важной проблеме: сознание континуально, а язык дискретен. Вот почему трудно сознанию выразиться в языке. В языке дух и душа спорят, пытаясь что-то сказать. Сознание обладает временными характеристиками, а язык – пространственными. Сознание – эмоционально, иррационально, а слова – рациональны. Можно привести высказывание А. Бергсона: «Наш мозг не является ни творцом, ни хранителем нашего представления; он его просто ограничивает, с тем чтобы сделать его

действующим. Это орган *внимания к жизни*» [1]. Важнейшая догадка Бергсона заключается в том, что сознание не является пространственным феноменом и не может быть зрительно воспринимаемым, а «человечество... привыкло считать существующим только то, что оно видит и к чему оно прикасается» [2]. Поэтому о теле человека учеными сказано достаточно много, а о душе и духе, которые зренiem мы воспринять не можем, трудно сказать что-либо определенное с точки зрения материалиста, который безуспешно пытается понимать сознание как пространственно-вещественный феномен. Но если уж пытаться осмысливать сознание пространственно, то в крайнем случае для этого можно использовать метафоры *поля* или *волны*.

Субстанция, как полагал Р. Декарт, имеет две основные формы: вещественную (материальную) и полевую (духовную). Есть, конечно, точка зрения Спинозы, но ее мы сможем учесть лишь после того, когда будут достаточно изучены и обоснованы обнаруженные А. Шиповым торсионные поля. Для осмыслиения сознания особенно важно понять, что сознание имеет не вещественный, а *полевой* характер, что это поле. Поле нуждается в каком-то материале, но не материал образует его особенности и характер, а информационно-энергетическая *волн*. Энергоинформационные волны пульсируют в поле космоса и в голове человека. Волну характеризуют: амплитуда, высота, глубина, ширина, скорость, интенсивность и экстенсивность. Человеческое сознание является формой проявления духовной субстанции, оно использует биохимические и электрические процессы мозга как материал для реализации своих функций. А. И. Яковлев также игнорирует результаты исследования роли воды, полученные современными российскими и зарубежными учеными, показывающие значение воды в процессах памяти и передачи информации в мозгу и ее роль в качестве материала для волновых процессов сознания.

Заслуга А. И. Яковлева в том, что он пытается понять энергетическую основу сознания, но его попытки не дают больших результатов именно потому, что он стремится понимать сознание как материальное, ссылаясь на известную формулу А. Эйнштейна $E = mc^2$. Однако в этой формуле знак равенства означает не тождество, а лишь соответствие, поэтому энергию считать материальной нет никаких оснований. Кроме того, важнейшим критерием материальности А. И. Яковлев почему-то считает измеримость, но уходит от вопроса о характере измеримости, о том, какими мерами может быть измерено то или иное явление. Неразрешимым в этой связи для материализма является вопрос об актуальной бесконечности, поставленный математиком Г. Кантором, поскольку бесконечное практически неизмеримо. Автор также касается вопроса о роли информации в судьбе материального, истолковывая ее вслед за американским ученым

А. Ленинджером как форму энергии, но по существу отрывает информацию от сознания, понимает ее механистически.

Выводы:

1. Материализм в изучении сознания на самом деле часто оборачивается идеалистической философией, поскольку опирается на *веру* и не всегда опирается на практику. Важный принцип *объективности* философами материализма часто не соблюдается, вместо него подставляется принцип *аксиоматичности*, опирающийся на веру в истинность предлагаемых постулатов.
2. Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от материализма, но о том, чтобы определить более четко его возможности, чтобы методы материализма использовать в тех случаях, когда они способны дать удовлетворительный результат, и не ждать от мате-

риализма результата там, где его использование представляется бесперспективным. Например, методы материализма неплохо работают в сфере естествознания и техники, но плохо помогают решать проблемы социальных наук и вовсе мешают в гуманитарных науках.

3. Чтобы завершить споры или сделать их более плодотворными, нужно отказаться от беспредельного расширения понятия «материальное». Если утверждать, что материальным является все, что существует, то мы далеко не уйдем в понимании нашего бытия. Критерий восприятия органами чувств (рецепторами), введенный В. И. Лениным, не вполне пригоден, так как он учитывал только внешние рецепторы (зрение, слух, осязание, обоняние), но игнорировал внутренние чувства, которые трудно проверять на объективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е р г с о н А . Два источника морали и религии. М.: Канон, 2004. С. 343.
2. Б е р г с о н А . Два источника морали и религии... С. 345.